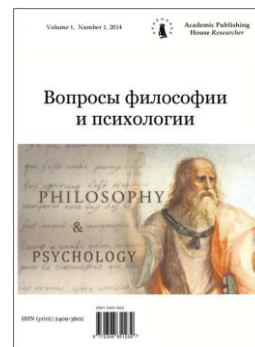

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 1889.
ISSN 2409-3602
Vol. 6, Is. 4, pp. 250-261, 2015

DOI: 10.13187/vfp.2015.6.250
www.ejournal20.com

UDC 1

The Value and Assessment in Scientific Knowledge

Yury D. Granin

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Academies of the mediaindustry,
Russian Federation
PhD, Prof.
E-mail: maily-granin@mail.ru

Abstract

The article analyzes the concepts "value" and "assessment", procedures of a choice and assessment, their functions in scientific researches and scientific communication. In a number of researches the assessment is still interpreted as procedure of reference to these or those values. But it is not so. Value characterizes only the positive importance of things and processes for the person. And the assessment isn't reduced only to determination of value. It is connected with articulation of the functional importance of objects and implementers in all kinds of activity of the person, being realized in internal and external plans. According to the author, the assessment is immanent to scientific and extra scientific forms of knowledge is premised to procedures of a rational choice and included in these procedures as their integral part.

Keywords: choice, knowledge, assessment, value.

Введение

Обращение автора к вынесенной в заглавие теме обусловлено главным образом тем, что ценность и оценка в процессе и структуре научного познания продолжают оставаться на периферии внимания специалистов в области философии и методологии науки. Последнее обусловлено рядом причин, важнейшими из которых оказались многолетнее противопоставление "аксиологии" и "гносеологии" и связанный с этим отказ в признании гносеологического статуса понятия "оценка". Будучи записана по ведомству "аксиологии", оценка до сих пор интерпретируется как процедура отнесения к тем или иным ценностям, которые, будто бы, выступают ее основанием и критерием. Между тем это не так. Если ценность характеризует лишь *положительную* значимость вещей и процессов для человека, то оценка не сводится только к определению ценности, а связана с вычленением *функциональной* значимости объектов и средств реализации во всех видах деятельности человека, реализуясь во внутреннем и внешнем планах.

По мнению автора, оценка имманентна научной и ценностной формам познания, они предпосланы процедурам рационального выбора и включены в эти процедуры как их неотъемлемая часть.

Материалы и методы

В статье использованы материалы исследований в области аксиологии, гносеологии, истории и философии науки, психологии познания. Применены методы диалектики, прием "оборачивания метода", общенаучные методы исследования.

Обсуждение проблемы

Методология поиска места аксиологии в теоретическом пространстве философии науки задана представлением о дифференцированном характере ее (философии науки) предмета на различные разделы, качественная специфика которых требует специального философского анализа [9]. В этой связи наряду с гносеологическим, методологическим и логическим аспектами исследования науки и научного знания, выделяют также аксиологический, праксиологический и др. аспекты их анализа [10]. Тем самым предполагается наличие в философии науки относительно замкнутых категориальных блоков, совокупность которых и образует ее макроструктуру [12].

Не вдаваясь в подробный анализ проблемы структуры философии и философии науки, отмечу, что их развитие осуществляется во взаимопроникновении категориальных структур через посредствующие, «пограничные» понятийные звенья. Одним из таких «пограничных» понятий является, на наш взгляд, «оценка». Через него, хотя и не только, осуществляется взаимосвязь теории познания и аксиологии. Если мы признаем, что познание по своей сути социально, тогда познавательное отношение лишь на начальных этапах гносеологического исследования, в первичной, «грубой» абстракции предстает как социально «ненагруженное», и якобы недетерминированное «ценностными структурами» сознания. Однако, затем гносеологический анализ преодолевает односторонность первого шага на пути от сущности «первого порядка» к сущности «второго порядка» и т.д. В этой связи утверждение, согласно которому гносеология не способна выявить специфичность функционирования ценностно-смысловой и эвристической структур сознания, верно лишь в той мере, в какой функционирование этих структур не выходит за пределы начального этапа познавательного процесса. На более же поздних этапах исследования их роль и значение становятся очевидными. И если до сих пор функции «ценностного» сознания и оценки в научном познании исследованы недостаточно, это свидетельствует не столько о принципиальной ограниченности объяснительных возможностей гносеологии, сколько о разобщенности аксиологических и гносеологических исследований. Выход, думается, следует искать на пути установления диалектических взаимосвязей категориальных структур аксиологии и гносеологии, обогащения содержания теории познания результатами анализа роли ценностей и оценки в производстве научных знаний.

О гносеологическом подходе к определению понятия «оценка»

Границы предмета гносеологии заданы в рамках основного философского вопроса проблемой познаваемости мира. В отличие от всех иных философских концепций, так или иначе редуцирующих познавательное отношение к его «когнитивному» содержанию, марксизм впервые вскрыл в качестве подлинного объективного основания процесса познания не сами по себе объекты природы, а деятельность по их практическому освоению. Введение категории «практика» в теорию познания устранило характерную для прежнего гносеологизма проблему «взаимодействия» сознания и сознаваемого бытия как самодовлеющих реальностей: «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства. ...Они — только, проявления действительной жизни» [13, с.449].

При таком подходе субъект предстает как практически действующий и познающий в определенных общественных отношениях общественный индивид, а объект всегда как социокультурно «окрашенный» фрагмент реальности. Иными словами, полагание практического отношения в качестве основы субъект-объектной взаимосвязи приводит к пониманию познавательного отношения в качестве ее функции, атрибутивной стороны жизнедеятельности общества и отдельного индивида. И в этой связи гносеология не может быть редуцирована к эпистемологии: в системе ее категорий воспроизводятся сущностные

характеристики познавательного отношения, не сводимого к его когнитивной форме, представленной в деятельности по производству знаний*.

К числу такого рода имманентных познанию характеристик следует отнести продуктивно-оценочный характер идеального отражения действительности субъектом, источником которого является практическое изменение мира. Будучи вовлеченной в практическую сферу исторически сложившихся видов деятельности и, следовательно, в систему общественных отношений, предметная действительность получает статус объекта, приобретает наряду с естественной формой вторую, функциональную форму бытия. В силу этого «мир объектов» подчиняется внешней для него объективной социальной логике развития и представляет собой необходимую абстракцию от явлений природы и общества, осуществляемую уже на уровне практически ориентированного («практического») сознания в фило- и онтогенезе.

Функциональное бытие предметной действительности есть, по существу, общественное бытие вещей. Это связано с тем, что практика как процесс целенаправленного преобразования действительности реализуется только способом, отвечающим общественным отношениям. В этом смысле предметное бытие общества выступает как ценностная предметность, выражающая общественно «заданную» значимость явлений, их возможность быть использованными в деятельности людей, служить удовлетворению их потребностей. Ценность, таким образом, не есть сама вещь, а ее особый, общественно данный способ существования.

Разделяя этот традиционный подход, сделаем некоторые уточнения. Сфера «ценностной предметности» и, следовательно, ценностных отношений в данном конкретном обществе не тождественна в нем сфере функциональных зависимостей и в этой связи сфере функционального бытия вещей. И дело не только в том, что ценность выражает лишь одну из форм значимости: социальную и положительную. Основание подобного различия обусловлено также необходимостью учета диалектики общего, особенного и единичного в субъект-объектной взаимосвязи. Игнорирование этой диалектики приводит, как правило, к выводу о плюрализме ценностной реальности и релятивности ценностного отношения,

Противоречия, которые подстерегают метафизически ориентированное мышление в его попытках построить монистичную «онтологию» ценностей, проявляются особенно наглядно в тот момент, когда оно с высот теоретической абстракции вынуждено сойти на «грешную землю» и обратиться непосредственно к исторически-конкретному индивиду. И тогда то, что для одних людей выступает как добро для других оказывается злом, прекрасное перевоплощается в безобразное, законная экспроприация частной собственности пролетариатом представляется произволом с позиций буржуазии и т. п. И дело здесь не только в том, как разные индивиды *оценивают* одно и то же явление, то - есть не только в субъективном моменте ценностного отношения. Одно и то же явление находится в разном функциональном отношении к различным субъектам, - объективно имеет различную положительную (отрицательную) значимость для них. Даже материалистическая трактовка ценности и ценностного отношения, казалось бы, не спасает от субъективизма, фатального «оборотничества» ценностей и невольно приводит к мысли об их релятивности.

Выход – в нахождении общего, объективного критерия, использование которого позволило бы достаточно надежно определять действительную ценность объекта и отличать ее от мнимой (хотя и субъективно признаваемой в акте оценки) ценности. Таким критерием оказывается знание об объективном ходе истории, в том числе – истории науки.

Попытки традиционной аксиологии выйти из тупика релятивизма посредством апелляции к абсолютным нормам, которые в силу своей общеобязательности якобы выступают независимым от субъективного мнения критерием определения ценности

* Столь же несостоятельной является редукция предмета гносеологии к аксиологии, которую осуществляют радикальные сторонники аксиологического подхода. Они аргументируют это тем, что разделение практической и познавательной деятельности как самостоятельных сфер социальной реальности все же предполагает выделение ценностно-оценочного отношения в качестве их связующего их звена [1].

явлений, оказывались бесперспективными. Не только потому, что постулат о существовании априорных норм сам нуждался в обосновании, но и в связи с тем, что преодоление субъективного произвола в определении ценности вещей путем введения абсолютных оценок достигается слишком большой ценой: ценой игнорирования обусловленности содержания и формы ценностного отношения объективным ходом истории.

Обосновав общественный характер духовной и практической взаимосвязи человека с окружающим миром, марксизм преодолел традиционное субъект-объектное понимание познавательного отношения. Дело в том, что все функциональные отношения субъекта общественны по своей сути. И это – то общее между ними, что фиксируется на уровне социально-философского анализа, абстрагирующегося от особенностей деятельности, осуществляемой конкретными индивидами. На этом, собственно философском уровне анализа, ценностные и функциональные отношения отождествляются. Но в ходе дальнейшего анализа, учитывающего диалектику развития, требуется многоуровневый подход к изучению субъекта исторических изменений. В зависимости от задач исследования в качестве такового может рассматриваться: человечество в целом, общество на конкретно-историческом этапе его развития, класс, группа, индивид. Действительным агентом истории является человек, взятый в единстве всех этих абстрактных характеристик. Вследствие этого сфера функциональных зависимостей и отношений не может быть сведена лишь к сущностно-общественному аспекту бытия человека.

Категория ценности, на наш взгляд, фиксирует только этот аспект, а точнее – такой исторически-конкретный «срез» функционального бытия явлений объективной и субъективной реальности, который выражает их *положительную значимость для существования и прогрессивного развития общества; отдельных сфер и форм его жизнедеятельности*. Из этого, в частности, следует, что окружающий человека мир, данный ему в предметной деятельности как «мир значимостей», не тождественен «миру ценностей». Последний занимает в нем большую, но, тем не менее, ограниченную сферу, определенную общей направленностью общественного развития и конкретно-историческими воплощениями его тенденций.

Сфера ценностей исторически изменчива и постоянно расширяется в соответствии с неуклонным «расширением границ» объекта практики и ее отдельных видов. Поэтому, например, для определения объективной ценности того или иного социального явления необходимо истинное знание общих тенденций социально-исторического развития и характера их проявлений в ту или иную эпоху. В современную эпоху такие явления социальной действительности, как милитаризация, экологические потрясения, массовая нищета, безработица, расовая дискриминация и т. п., объективно представляют собой антиценности, так как препятствуют экономическому, социальному и духовному прогрессу человечества, а подчас грозят и самому его существованию. То, что подобные явления обладают не менее объективной положительной значимостью для определенных групп, не переводит их в разряд ценностей. Они получают этот статус лишь в оценке тех или иных социальных групп и отдельных людей. Поэтому следует отличать действительно объективные ценности от субъективно признаваемых за таковые. Последние – суть результат оценки и составляют содержание ценностного сознания субъекта, которое активно влияет на процесс восприятия и осмысления человеком действительности, способствует, либо препятствует познанию объективной ценности.

Аналогичным образом обстоит дело и в том случае, когда проблема определения ценности решается применительно к одной из сфер жизнедеятельности общества, например, – сфере научного познания. Здесь также следует учитывать возможность несовпадения объективной научной ценности гипотез, концепций, открытий и их оценок современниками, в том числе научным сообществом. История науки и техники дает множество свидетельств того, как многие выдающиеся научные результаты и изобретения в силу ряда причин лишь спустя десятилетия, а иногда и столетия были адекватно оценены и, включившись в научно-технический прогресс, реализовали свою потенциальную ценность.

Многовековой опыт истории познания имеет огромное значение для гносеологии. В частности он предоставляет эмпирический материал для аргументации против достаточно распространенного (и в специальной и в учебной литературе) отождествления истинности знания с его научной ценностью. Любое ли новое истинное знание обладает научной значи-

мостью и имеют ли научную значимость, ценность ошибочные представления, гипотезы, теории? Казалось бы, положительный и отрицательный ответы в первом и втором случаях очевидны. В действительности же эти проблемы не столь банальны, какими кажутся на первый взгляд, и возможные их решения находятся в прямой зависимости от предварительно принятых концепций истины и ценности. И поскольку этих концепций немало, а автор придерживается классической (корреспондентской) концепции истины, общий ответ звучит так: вопрос об истине не тождествен вопросу о ценности знания, хотя и взаимосвязан с ним.

Прежде всего, потому, что эти вопросы фиксируют разные отношения знания, специфика которых задана нетождественностью референтов: истинность (ложность) знания определяется по отношению к объективной действительности, а его познавательная и научная ценность устанавливается в контексте истории познания, относительно объективных тенденций и перспектив его прогрессивного развития. Поэтому научное познание предстает отнюдь не реализацией некоего прямолинейного движения от «истины» к «истине». «Значение научной — как отмечал М. Планк,— идеи часто коренится не в истинности ее содержания, а в ее ценности. Это имеет значение также для идеи реальности внешнего мира и идеи причинности. В отношении этих идей имеет смысл не вопрос — истинно или ложно? — а вопрос — ценно или не ценно для науки?» [15, с.197].

Для того, чтобы та или иная новая концепция получила статус научной ценности, она должна быть оценена не только с позиций ее соответствия объективной действительности (т.е. признана как истина), но и с точки зрения ее эвристических возможностей и, раскрыв свою научную «мощность», войти в систему научной коммуникации. А это, в свою очередь, зависит от ряда внутринаучных и экстранаучных объективных и субъективных обстоятельств: социокультурной среды, в которой реализуется процесс научного творчества, стиля научного мышления и тому подобных факторов, исследованием которых занимаются специалисты в области методологии науки [12]. В контексте нашего анализа достаточно констатировать то, что проблема определения социальной и научной ценности всегда решается конкретно-исторически, что объективная ценность средств и результатов познания часто не соответствует индивидуальным и массовым оценкам, что оценка является лишь субъективным познавательным средством обнаружения ценности и следовательно к ней не применимы характеристики истинности и ложности.

Рассмотренная в качестве атрибутивной стороны познания, феноменологически оценка предстает как активная интеллектуальная деятельность, в которой реализуется специфическая диалектика чувственного и рационального. И в этом смысле оценка не может быть сведена ни к одному из феноменов субъективной реальности той или иной модальности, а скорее все они в какой-то мере могут быть ее результатом. Будучи определена как способность субъекта к функциональному отражению в сознании явлений объективной и субъективной реальности, определении их значимости для деятельности человека, оценка реализуется в сознании на различных формах и уровнях, как на рациональном уровне, так и на чувственном (эмоциональном). Правда, не все специалисты склонны признавать существование чувственных форм реализации оценки. «Вызывают недоумение, — пишет Ст. Попов,— некоторые взгляды, согласно которым оценки возможны на уровне чувственного познания» [16, с.62]. Не вступая в полемику, сделаем одно методологически важное дополнение, которое во многом определяет нашу позицию, в том числе и в вопросе о сфере реализации оценки,

Очевидно, что оценка как фундаментальная характеристика идеального отражения представляет собой диалектическое единство процесса и результата. Но в сформулированном нами определении явно не указаны основания, на которых базируются оценочные акты. Это не случайно, ибо отдельное определение принципиально не способно включить все то богатство оснований, на которых в каждый данный момент осуществляется процесс оценки каждым отдельным индивидом.

Многомерность бытия человека обуславливает многомерность структуры субъективной реальности. Эта структура в связи с ее системообразующим центром «Я» проанализирована Д.И. Дубровским, который отмечает, что множественность отношений «Я» к самому себе «реализуется прежде всего в инвариантных социокультурных формах, которые образуют ценностно-смысловой каркас субъективной реальности и, следовательно,

«Я» [8, с. 97]. Данный ценностно-смысловой каркас структурирован и динамичен как многомерная и динамичная система общественных и личностных отношений субъекта. В общем виде он представляет собой организованную упорядоченность социокультурных и личностно-экзистенциальных ценностей, которые находятся в диалектическом единстве. Весь этот блок субъективно признаваемых ценностей дифференцированно выступает основанием оценки человеком а) объективного мира, б) содержания субъективной реальности (внутренняя оценка) и в) ее центра - «Я» (самооценка).

В то же время вследствие постоянно изменяющихся условий бытия людей изменения наряду с ценностным планом сознания объективно претерпевает и наличная система их потребностей, функциональных отношений. Эти изменения носят ситуационный характер и различаются лишь временным масштабом. Таким образом, наряду с достаточно устойчивой во временном плане нормативно-ценностной структурой основанием определения значимости фрагментов объективной и субъективной реальности выступает более динамичная совокупность потребностей, представленная в сознании в том числе в форме ситуационных задач и целей деятельности. Если к тому же учесть доказанный психологами факт, что целеполагание и целедостижение не одномоментные акты, а представляют собой сложную деятельность, в системе действий и операций которой осуществляется выдвижение замыслов и гипотез, наличествуют смена целей, то сфера «критериев» оценки становится труднообозримой.

В общем виде совокупность оснований функционирования оценочной способности представляет собой иерархическую динамичную структуру, в которой выделяются относительно самостоятельные ценностно-нормативный, социокультурный, личностный, профессиональный, ситуационный и операциональный планы. При этом необходимо учитывать, что специфика функционирования оценки исторически обусловлена социальным типом деятельности и типом сознания. «Практический», «духовно-практический» и «научный» типы сознания, характеризуясь наличием самоотражения и саморегуляции, вместо с тем различаются «механизмами» осуществления рефлексии. Традиционно специфика науки как развитого теоретического сознания усматривается в наличии критико-рефлексивной позиции. В известной мере это действительно так. В то же время следует помнить, что нормативные структуры сознания выступают не только основанием внешней и внутренней (рефлексивной) оценки, но и ее объектом. Поэтому не только научные, но и художественные, нравственные и др. освященные традицией нормы и идеалы, выступавшие в прошлом в качестве «императивов», с течением времени подвергаются переоценке, меняя тем самым свой функциональный статус в структуре общественного сознания. Профессиональная практика, периодически воспроизводя, например, в науке и искусстве, кризисные ситуации, в условиях которых обостряется конкуренция альтернативных исследовательских и художественных «парадигм», является источником и основой критического переосмысления нормативных оснований научного, художественного и др. типов творчества. Учитывая это, «необходимо различать общие для науки со всеми социокультурными системами моменты ее регуляции через определенные механизмы самоотражения и саморегуляции и "специфические для науки моменты рефлексивности» [19, с.46].

В контексте нашего анализа все сказанное позволяет рассматривать оценку как необходимый момент и средство развития содержания сознания, фиксируя особенности формы реализации этого процесса во внутреннем и внешнем плане.

Диалектика внутреннего и внешнего, а в их рамках социально и профессионально-нормативного, личностного, ситуационного и операционального планов оценки показывает, что этот процесс характеризуется сложной функциональной структурой и потому типология оценок достаточно условна. Учитывая это, оценки (в качестве результата) весьма приблизительно можно подразделить на практические, духовно-практические и научные, а в этих пределах — на социальные, личностные, профессиональные, ситуационные и оперативные. Применительно к объекту это означает, что в каждом конкретном случае в процессе отражения субъект вычленяет его социокультурный, личностный, ситуационный и операциональный смысл (значимость) в контексте текущей деятельности.

Таким образом, предварительные итоги анализа делают, на наш взгляд, очевидным, по крайней мере, следующее: вывод о том, что оценка имманентна отражению

действительности в сознании человека и функционированию этого сознания, не является, как думают некоторые исследователи, результатом позиции пангносеологизма. Речь идёт как раз о том, что оценка – универсальная «способность» субъекта, выражающая продуктивно-функциональный характер субъект-объектной взаимосвязи. Она реализуется во всех без исключения формах жизнедеятельности человека, в ходе осуществления которых он познает окружающий мир и самого себя. Поэтому вполне правомерно исследовать гносеологическую функцию оценки, которая наиболее адекватно представлена в научной форме познания действительности. Учитывая масштаб указанной проблемы, ниже будет предложена лишь общая методологическая схема ее решения.

Научное познание и «оценка»

Исходным моментом в обсуждении этого вопроса является, на наш взгляд, требование построения логики ответа в соответствии с принципами всесторонности рассмотрения и историзма, использование которых позволяет понять научное познание как закономерный, внешне и внутренне детерминированный процесс, существование и развитие которого характеризуется диалектикой прошлого, настоящего и будущего. Следовательно, научное познание правомерно и необходимо исследовать в хронологическом ключе, выделяя в нем аспект, связанный с прошлым науки, «науку устоявшихся представлений» и «науку активного поиска».

Реализуясь в конкретных институционализированных формах, испытывая влияние «внешней» социальной истории, научное познание вместе с тем обладает относительной самостоятельностью, имеет собственную («внутреннюю») историю: производство нового знания в науке всегда базируется на апробированном прошлом и настоящем теоретическом и эмпирическом основании, которое, будучи предпосланным науке «переднего края», обеспечивает преемственность, единство процесса познания и во многом определяет логику его последующего функционирования и развития.

Характерной чертой последней является то, что теоретические и эмпирические предпосылки, которые выступают в качестве необходимого условия (причины) становления системы научного знания, одновременно являются и результатом (следствием) ее собственного бытия. Этот процесс перманентного превращения предпосылок научного исследования в результаты его собственного бытия, а этих последних - в условия дальнейшего развития осуществляется в форме так называемого «оборачивания метода» и представляет собой, по мнению специалистов, общую схему (закон) развития научного познания в целом.

Временно абстрагируясь от социокультурной детерминации научного познания и акцентируя внимание на ее «когнитивном» аспекте, следует сказать, что «оборачивание метода», которое не без оснований считают логическим механизмом производства необходимых предпосылок развития науки [18], является выражением такой динамической характеристики познания, как возможность постоянного изменения функционального статуса знания в системе научной деятельности. Будучи закономерным итогом предшествующего развития научных исследований, новое знание в то же время потенциально является условием, предметом и средством последующей научной деятельности. Функционируя в этом диапазоне, новая научная идея, гипотеза или теория объективно имеют возможность раскрыть все стороны своего содержания, реализовать свою методологическую, методическую, прогностическую и иную научную ценность и тем самым в какой-то мере определить будущее развитие науки.

Но для того, чтобы данная возможность стала действительностью, необходим и такой субъективный фактор, как адекватная оценка. Если попытаться в самом общем виде сформулировать роль оценки в развитии когнитивного плана научного познания, то можно сказать: эта роль, в конечном счете, сводится к тому, что, выявляя функциональные характеристики, ценностные параметры знания и, следовательно, активно влияя на характер и эффективность их последующего использования в сферах собственно научных исследований и внутринаучной коммуникации, оценка выступает необходимым субъективным компонентом "механизма" внутренней детерминации научного познания, фактором, в известной мере определяющим направленность его самодвижения. Попытаемся

конкретизировать это утверждение, рассмотрев научное познание в единстве его взаимосвязанных аспектов: производства, обмена и потребления нового знания.

Эта взаимосвязь, по существу, имеет диалектический характер, ибо, строго говоря, любой отдельный эвристический акт предполагает в качестве своей имманентной стороны процессы обмена и потребления «живого» и овеществленного знания. Но в научном познании как системном целом эти процессы в известной мере обособляются, что и позволяет рассматривать их как определенные этапы генезиса нового знания в науке. Здесь в качестве относительно самостоятельных выделяются следующие стадии: а) собственно эвристический этап, целью и результатом которого является производство новой научной информации; б) этап апробации и оценки данной информации научным сообществом, в зависимости от которой она принимается (либо не принимается) в качестве «установленного знания», и, наконец, в) заключительный этап использования этого знания в функции непроблематизируемой предпосылки и средства дальнейшего научного поиска. Поэтому когда возникает вопрос о перспективах бытия новых научных идей, гипотез, открытий, следует иметь в виду, что их «судьба» в науке определяется не только такими объективными характеристиками, как истинность и ценность, но в определенной мере зависит и от оценки специалистами, научной общественностью. Неадекватность такой оценки, например, влечет за собой на какое-то время потерю части ценной научной информации и, следовательно, тормозит научный прогресс.

Несмотря на то, что оценка и последующий отбор новой информации выделяется в науке в относительно самостоятельную процедуру, было бы неверно ограничивать сферу действия оценки и, следовательно, ее роль в научном познании только этой областью и этой функцией. В действительности они значительно шире. Это вполне понятно, если не забывать, что любой отдельный исследовательский акт представляет собой планомерную, особым образом организованную деятельность, которая не может быть подготовлена, осуществлена и вновь воспроизведена без осознания значимости ее составляющих.

Конкретное эмпирическое либо теоретическое исследование, его процессуальная сторона обладает достаточно высокой степенью свободы в том смысле, что оно, как правило, может быть реализовано различными средствами и способами. Научные исследования всегда осуществляются в ситуации, когда ученому требуется осуществить выбор из числа имеющихся в его распоряжении установленных знаний и новой научной информации, которые могли бы быть использованы в качестве наиболее адекватных средств решения проблемы*. Так как этот выбор связан с дифференциацией принципов, методов, методик, понятийного аппарата по их значимости в контексте осуществляемого научного поиска, то можно определенно утверждать, что *выбор и оценка являются одним из условий и факторов организации начала научного исследования*. На этом этапе научного творчества оценочный акт производится по самым разным основаниям, правда, при доминирующем влиянии предварительно имеющегося у субъекта общего представления о типе исследуемой проблемы, на основе которого формируется гипотетический план ее решения.

Конечно, часто ученый находится в ситуации, когда и тип, и характер проблемы, совокупность познавательных средств и действий, необходимых для ее решения, и их эвристическая ценность ему в принципе известны. В каждой науке существует ряд стандартных проблем и апробированных концепций, методов, методик, научных «языков», использование которых не проблематизируется, поскольку в научном мышлении они обладают закрепленной ценностно-нормативной функцией, а потому если и оцениваются, то чаще всего формально (некритически) и положительно. Оценка здесь, как правило, осуществляется в «автоматическом режиме» и нередко ускользает из-под контроля сознания. Это, безусловно, имеет свои «плюсы», так как позволяет «не мудрствуя» понапрасну надежно достигать цели проверенными средствами и кратчайшим путем, то есть работать профессионально. Но этот же профессионализм может стать сдерживающим фактором, когда исследователь сталкивается с проблемами, решение которых требует выхода за пределы «установленного знания» и пересмотра многих, казавшихся ранее очевидными, положений. В периоды научных революций происходит переоценка

* Эта ситуация распространяется и на материальные условия и средства исследования.

отдельных ценностно-нормативных структур научного мышления в ходе выдвижения и обоснования нестандартных гипотез.

Но и в исследованиях, проводимых в рамках действующей «парадигмы», всегда присутствует критико-оценочный компонент в той мере, в какой изучаемая проблема, будучи стандартной в плане выбора методологических принципов и подходов к ее исследованию, вместе с тем требует нетривиальных ходов мысли, оригинальных методических решений. «Гипотезы,— подчеркивает Э. Д. Телегина,— выступают как одно из функциональных образований в структуре мыслительной деятельности, выступая, с одной стороны, как результат исследовательской деятельности, с другой - как средство ее изменения, направления, регулирования, как критерий оценки последующих действий» [14, с. 48].

Не имея возможности детально проанализировать эвристические функции оценки, отметим, что все типы оценок (социальные, личностные, профессиональные, ситуационные, оперативные и др.), во-первых, играют весьма значительную роль в формировании условий и выборе средств научного исследования, а, во-вторых, контролируют и регулируют процесс научного творчества, определяя значимость его промежуточных и конечных результатов [4]. Например, если мы обратимся к такой форме исследования как эксперимент, то убедимся, что его успешное осуществление предполагает преднамеренное моделирование такой ситуации, в состав которой отобраны наиболее значимые условия и средства наблюдения, позволяющие спровоцировать и наиболее адекватно фиксировать ожидаемое (в соответствии с целевой гипотезой) поведение объекта. Наряду с этим в процессе проведения эксперимента, состоящего, как правило, из нескольких серий опытов, условия его протекания и работа приборов постоянно критически оцениваются с позиций исходных представлений о необходимой степени «чистоты» и точности измерения, а из числа промежуточных результатов отбираются лишь наиболее значимые в контексте подтверждения либо опровержения проверяемой гипотезы.

Когда же наблюдаемый эффект не соответствует планируемому результату и особенно когда наблюдается нечто совершенно неожиданное, адекватная оценка приобретает особое значение. Дело в том, что, хотя в общем научное открытие есть итог целеполагающей деятельности, доля непреднамеренных («сверхцелевых» и «квазичелевых») открытий в научном познании весьма значительна. Но значительно и число случаев, когда экспериментатор мог, но не сделал выдающегося открытия только потому, что смысл наблюдаемого явления не был им правильно понят. Для эпистемологии объяснение этих фактов истории познания представляет определенную сложность, связанную с необходимостью ответа на вопрос о том, возможно ли адекватное чувственное восприятие, а тем более правильная интерпретация и понимание случайно наблюдаемого явления действительности, которое до сих пор не встречалось в обыденной и научной практике.

В истории научного познания нередко имели место случаи, когда открытия не были сделаны не только потому, что в распоряжении ученого не было теоретических представлений, позволяющих правильно проинтерпретировать (а значит, и понять) факты, но и в связи с тем, что имеющиеся теоретические представления еще не получили в науке статус «установленного знания». Свидетельством, подтверждающим сказанное, может служить история открытия волновых свойств электрона. Известно что К. Дж. Дэвидсон и Дж. П. Томпсон независимо друг от друга открыли волнообразность электрона в 1927 г. А потом выяснилось, что Дэвидсон уже наблюдал электронную дифракцию шестью годами ранее - в 1921 г., но не смог понять странную картину, получающуюся при работе с электронами и кристаллом никеля [7, с.110-111].

Обычно этот исторический факт приводят только как пример, подтверждающий мысль А. Эйнштейна о том, что «лишь теория решает, что мы ухитряемся наблюдать». В общем виде такая оценка, конечно, верна, но она нуждается в определенном уточнении. Действительно, теоретическое обоснование волновых свойств электрона было сделано Луи де Бройлем лишь в 1924 г., т. е. почти через три года после того, как Дэвидсон наблюдал дифракцию электронов в кристаллах. Означает ли это, что без этого революционного шага в области «чистой теории» волновые свойства элементарных частиц в принципе не были доступны пониманию физиков-экспериментаторов? Исходя из общих соображений, касающихся сути процесса понимания и анализа конкретных условий того периода истории

физики микромира, на этот вопрос, думается, следует дать отрицательный ответ. Прежде всего, потому, что не только специальная теория ответственна за понимание того, что мы наблюдаем, но и тот общий теоретический и, шире, информационный контекст, в «силовом поле» которого осуществляется научный поиск. И если мы обратимся к теоретической, интеллектуальной атмосфере, в которой происходило становление физики микромира, то убедимся, что на протяжении первой трети XX столетия она характеризовалась длительным сосуществованием и конкуренцией двух - корпускулярной и волновой - картин микромира, и задача, подчеркивал Эйнштейн, состояла в том, чтобы логически связать их между собой. И это было сделано в конце 20-х годов, когда благодаря принципу дополнительности Н. Бора удалось «снять» логико-методологическое противоречие между волновой и «матричной» механикой. Но даже и после этого «совмещенный» образ частицы и волны оценивался как противоречащий «философии природы»*, «здравому смыслу», а потому и его ассимиляция научным мышлением проходила достаточно сложно: оно с трудом осваивало парадоксальный объект, в том числе и по причинам аксиологического порядка.

Несмотря на то, что с 1905 г. представление о корпускулярно-волновом характере световых квантов вошло в научный обиход и отдельные физики рассматривали некоторые виды излучения как комбинацию волны и частицы, экстраполяция этого представления на электрон оказалась затруднена тем, что образы «электрон-частица» и «электрон-волна» имели в научном сознании различный статус. Если первый был подтвержден эмпирически и потому оценивался как отражение установленного факта, то второй в лучшем случае рассматривался как «рабочая гипотеза», которая еще нуждалась в специальном теоретическом и эмпирическом оправдании. Поэтому в мышлении большинства исследователей, а особенно исследователей-экспериментаторов, у которых образ электрона-частицы был особенно устойчив, эти два альтернативных представления объекта оказались неравноценными. Это и явилось одной из субъективных причин того, почему физический смысл остался непонятным Дэвидсону и некоторым другим исследователям: данные наблюдения интерпретировались главным образом в ценностно-нормативном контексте, где, как известно, доминирует установленное знание, а не «сумасшедшие» гипотезы.

Выводы

Какие же основные эпистемологические выводы следуют из проведенного анализа. Первый. Поскольку в сфере научных исследований процедура интерпретации играет значительную роль и зависит от контекста, а ценностно-нормативные структуры научного мышления включены в интерпретационный контекст, то выбор и оценка существенно влияют на характер и результаты научного исследования. Второй. Возможности и степень понимания ученым исследуемой проблемы определяются не только его специальной и общей эрудицией, но и типом его сознания, тем, на основе каких научных императивов («идеалов и норм научного исследования») производится оценка имеющейся в его распоряжении эмпирической и теоретической информации.

Примечания:

1. Брожик В. Марксистская теория оценки. М.: Прогресс, 1982.
2. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
3. Васильев В.И., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М., 1980. С.128.
4. Гранин Ю.Д. Эпистемология. М., 2010. С. 57-58.
5. Гранин Ю.Д. История и философия науки. Курс лекций для аспирантов. Саабрюкен, 2012.
6. Гранин Ю.Д. О гносеологическом содержании понятия "оценка" // Вопросы философии. 1987. №6.
7. Данин Д. Вероятностный мир. М.: Знание, 1981.

* См. известный спор А. Эйнштейна с Н. Бором.

8. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М., 1985, с.97.
9. Лебедев С.А. Философия науки. Учебное пособие. М.: Юрайт. 2011.
10. Лебедев С.А. Праксиология науки//Вопросы философии. 2012. №4. С. 52-63.
11. Лебедев С.А. Проблема истины в науке//Человек. 2014. №4. С. 123-135.
12. Лебедев С.А. Философия науки. Под ред. С.А. Лебедева. 5 издание, переработанное и дополненное. М.: Академический проект. 2005.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.3, с.449.
14. Телегина Э. Д. Виды и функции гипотез в структуре мыслительной деятельности // В кн.: «Психологические исследования творческой деятельности», М.. 1975. С. 48.
15. Планк М. Единство физической картины мира. М.: Прогресс, 1966.
16. Попов Ст. Познание и оценка. София, 1979, с. 62.
17. Фабело Х.Р. Проблема истинности оценки // Вопросы философии, 1984. № 7. с. 96.
18. Черняк В.С. История. Логика. Наука. М, 1986.
19. Швырев В.С. Рефлексия и понимание в современном анализе науки // Вопросы философии, 1985, № 6.

References:

1. Brozhik V. Marksistskaya theory of an assessment. M.: Progress, 1982.
2. Bruner Dzh. Knowledge psychology. M.: Progress, 1977.
3. Vasilyev V. I., Popluzhny V. L., Tikhomirov O.K. Emotions and thinking. M.1980.C.128.
4. Granin Yu.D. Epistemologiya. M.2010.S.57-58.
5. Granin Yu.D. Istoriya and philosophy of science. A course of lectures for graduate students. Saabryuken, 2012.
6. Granin Yu.D. About the gnoseological content of the concept "assessment"//philosophy Questions. 1987. No. 6.
7. Dannin D. Probabilistic world. M.: Knowledge, 1981.
8. Dubrovsky D. I. Problema ideal. M, 1985, page 97.
9. Lebedev S.A. Philosophy of science. M, 2011.
10. Lebedev S.A. Praksiologia nauki// Voprosy filosofii. 2012. №4. С. 52-63.
11. Lebedev S.A. Problema istinye v nauke//Chelovek. 2014. №4. С. 123-135.
12. Philosophy of science. Ed. by S.A. Lebedev. M., 2005.
13. Marx K. and Engels F. Soch. T.3, page 449.
14. Telegina E. D. Types and functions of hypotheses in structure of cogitative activity // В books: "Psychological researches of creative activity". M., 1975. Page 48.
15. Planck M. Edinstvo of a physical picture of the world. M.: Progress, 1966.
16. Popov St. Knowledge and assessment. Sofia, 1979, page 62.
17. Fabelo H.R. Problema of the validity of an assessment//philosophy Questions, 1984. No. 7. page 96.
18. Chernyak V. S. Istoriya. Logic. Science. M, 1986.
19. Shvyrev of V. S. Refleksiya and understanding in the modern analysis of science//philosophy Questions, 1985, No. 6.

УДК 1

Ценность и оценка в научном познании

Юрий Дмитриевич Гранин

Институт философии РАН, Академия медиаиндустрии, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор
E-mail: maily-granin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются понятия "ценность" и "оценка", процедуры выбора и оценки, их функции в научных исследованиях и научной коммуникации. В ряде

исследований оценка до сих пор интерпретируется как процедура отнесения к тем или иным ценностям. Но это не так. Ценность характеризует лишь положительную значимость вещей и процессов для человека. А оценка не сводится только к определению ценности. Она связана с вычленением функциональной значимости объектов и средств реализации во всех видах деятельности человека, реализуясь во внутреннем и внешнем планах. По мнению автора, оценка имманентна научной и ценностной формам познания, она предпослана процедурам рационального выбора и включена в эти процедуры как их неотъемлемая часть.

Ключевые слова: выбор, познание, оценка, ценность.